

Сердце Донское

Л.Т.Агарков

В сутолоке своих повседневных, так сказать, местных, касающихся только казачьего войска забот, городок Раздоры, как его главный стан, размещавшийся на одном из красивейших лесистых донских островов в ста сорока верстах от турецкого Азова, находился в постоянной орбите общегосударственных российских дел.

Установив отношения с Москвой в период царствования Ивана Грозного, донские казаки долгое время оставались главными защитниками русской земли от турецко-татарской экспансии. Укрепившись на значительной территории «Дикого поля», казачье войско разобщило возникшие после распада Золотой Орды Казанское, Астраханское и Крымское ханства, а также ногайские орды, как в связях между собой, так и изолировало их от сношений с Турцией и лишало последней возможности подчинить их своей власти. Затем донцы последовательно участвовали в покорении Казани (1552), Астрахани (1556), сражались в русской армии в период Ливонской войны (1558-1583), покорили Сибирское ханство своим походом под руководством Ермака (1582-1585).

Менее известно, но не менее важно, участие донцов в борьбе с Крымом. В мае 1571 года крымский хан Девлет-Гирей напал на Москву и сжег ее. В следующем, то есть 1572 году, он с 120-тысячным войском вновь напал на Русь, но в 60-ти верстах южнее Москвы у села Молоди проиграл несколько сражений, после чего бежал в Крым. Его крупный военачальник Дивей-мурза при этом был пленен и доставлен в Новгород, где тогда находился Грозный. Одним из выдающихся героев разгрома крымского хана был донской атаман Михайла Черкашенин, под руководством которого казаки из Раздорской и других городков успешно действовали против войск Девлет-Гирея. Во время героической обороны Пскова в 1581-1582 годах против войск польско-литовского короля Стефана Батория, так и не сумевших взять город, атаман донских казаков был убит. Защитники Пскова отразили более тридцати приступов, заставив Батория заключить перемирие с Россией (М.: Исторические песни, баллады, 1986, с. 572).

Автор «Истории военного искусства» Е. А. Разин не только подтверждает участие казаков во всех упомянутых войнах, но и утверждает то, что «Решающей силой, определявшей исход борьбы, являлись не дворяне и дети боярские, а стрельцы, боярские люди (холопы) и казаки» (М.: Воениздат, 1957, с. 366). В XVI веке городские казаки несли пограничную службу и участвовали в больших походах русского войска. Вольные казачьи отряды, возникавшие в пограничных землях, совершали походы по своему почину или по договоренности с официальными или частными лицами. В этих походах вырабатывались некоторые особенности боевых действий, определившиеся составом казачьих отрядов, целями походов и своеобразием обстановки.

После Ивана Грозного (1584 г.) царский престол достался его сыну Федору. Будучи неспособен управлять государством самостоятельно, он сначала доверял эту деятельность своему дяде по матери Никите Романовичу Захарьину, а после его смерти, к царю приблизился Борис Федорович Годунов. Существует легенда по поводу происхождения Годуновых от татарского мурзы Четы, который, якобы, в XIV веке перешел на службу к московскому князю Ивану Калите и принял христианскую веру. Сочинили эту сказку монахи Ипатьевского монастыря в Костроме, служившего родовой усыпальницей Годуновых, чтобы, как считает доктор исторических наук Р.Г. Скрынников, исторически обосновать княжеское происхождение династии Бориса, а заодно – извечную связь новой династии со своим монастырем. Более того ипатьевские монахи утверждали, что Чета, направляясь из Сарая в Москву, успел мимоходом заложить православную обитель в Костроме. На самом деле предки Годунова никогда не были татарами, а являлись природными костромичами, издавна служившими боярами при московском дворе.

Своим умом и хитростью Борис возвысился еще при Грозном, так как был женат на дочери известного опричника Малюты Скуратова, а когда Федор взял себе в жены его сестру Ирину, Годунов оказался не только ближайшим советником царя, но и по существу стал единовластно управлять государством и во многом преуспел.

В царствование Федора Ивановича произошли важные события, которые впоследствии сказались на состоянии России. Одним из них было утверждение на Руси патриаршества, 400-летие которого было отмечено в 1989 году. Дело в том, что ранее патриарх находился в Царьграде, влияние которого распространялось и на

русскую церковь. Однако после завоевания Царьграда турками в 1453 году, патриарх оказался в зависимости от султана. При Иване Грозном русское государство усилилось настолько, что Федор Иванович решил учредить на Руси свое патриаршество. Из духовных служителей и бояр был созван собор, который 26 января 1589 года посвятил в патриархи митрополита Иова. Одновременно произошло повышение в сан митрополитов архиепископов Казанского, Новгородского, Ростовского и Куртицкого (в Москве) а несколько епископов получили звание архиепископов.

Нововведения произошли и в крестьянском вопросе. В России крестьяне могли переходить от одного хозяина к другому в определенное время (обычно после окончания сельскохозяйственных работ, за неделю до и после 26 ноября) в так называемый Юрьев день. В царствование Федора Ивановича крестьянские переходы от одного помещика к другому были запрещены вообще. Крестьяне были прикреплены к земле, но некоторое время лично еще были свободны. Но помещики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина, которому было трудно бороться с хозяином. Всего через 100 лет помещики будут продавать крестьян «враздробь, как скот», без земли. Так это нововведение положило начало «крепостному праву» на Руси.

Не менее важное событие произошло с наследником российского престола. Так как у Федора Ивановича своих детей не было, то престол должен был перейти после его смерти к его брату Дмитрию, младшему сыну Ивана Грозного, который воспитывался вдали от столицы в Угличе (ныне райцентр в Ярославской области). Его мать Мария Нагая и дяди считали виновником своей ссылки Бориса Годунова. Среди придворных царя ходили слухи о том, что будучи обиженным на брата, Дмитрий однажды зимой наделал фигуры людей из снега назвал их различными именами приближенных к царю бояр и потом начал сечь их саблей, отрубив одному руку, другому – голову, третьего проколов насквозь, говоря при этом, будто бы: «Так будет им в мое царствование». Насколько достоверны эти слухи, судить трудно, но они тревожили бояр, которые решили освободиться от опасного царевича. И вот в мае 1591 года распространилось известие, что Дмитрия не стало. Убийцами его, якобы, были подосланные Борисом Годуновым Волохов, Битяговский и Качалов. Угличане расправились не только с ними, как прямыми виновниками, но и с непричастными к убийству. Всего было убито 12 человек.

По указанию Годунова, для расследования убийства царевича, была создана комиссия в составе Василия Ивановича Шуйского, Крутицкого, митрополита Геласия и дьяка Клешина, которая, скрыв правду, сообщила, что Дмитрий в припадке падучей болезни сам накололся на нож, а угличане по наущению Нагих, убили людей якобы неповинных. Такое расследование повлекло за собой жестокие наказания для многих родственников Дмитрия, участвовавших в самосуде угличан, подвергшихся осуждению на смерть, телесным наказаниям и высылке в Сибирь, а мать царевича была пострижена в монахини под именем Марфы и заключена в монастыре за Белым озером. Ее братья разосланы по тюрьмам. Более всего интересно, что сослан был и угличский колокол, известивший о смерти Дмитрия своим звоном. В истории существует и версия о том, что убийство Дмитрия было совершено группой знатных бояр, потерявших доверие у российских государей, начиная с Ивана III, и стремившихся к установлению своего правления путем удаления с пути претендента на престол.

Интересны в этом отношении сочинения агента английской торговой компании и дипломата Джерома Горсея, жившего в России в 70-90-е годы XVI века, вышедшие в 1990 году в издательстве Московского университета. Автор сообщает, что оказавшись в ссылке в Ярославле, он был разбужен однажды ночью братом вдовствующей царицы Афанасием Нагим, рассказавшим, что «царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у неё вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство». Горсей дал Нагому банку с чистым прованским маслом и коробочку венецианского териака и тот ускакал в Углич (в 25 милях от Ярославля). Известие Горсея об обстоятельствах смерти Дмитрия рассматривается исследователями как важный источник, так как оно написано почти участником событий. Народная же молва приписала смерть царевича Дмитрия Борису Годунову. Это нашло потом воплощение в трагедии А.С. Пушкина и музыкальной драме М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Вспомним у Пушкина, на вопрос боярина Воротынского «...точно ль царевича сгубил Борис?

Шуйский отвечает: «А кто же? Кто подкупал напрасно Чепчугова? Кто подослал обоих Битяговских с Качаловым? Я в Углич послан был исследовать на месте это дело: наехал я на свежие следы..»

Борису Годунову и его времени свои произведения посвятили не только русские историки Карамзин, Соловьев, Костомаров, но и многочисленные русские писатели Сумароков, Нарезный, Хомяков, Погодин, Полозов, Чаев, Островский и другие. Обращались к этой теме и видные зарубежные художники: испанский драматург Лопе де Вега, француз Обри, немцы Коцебу, Шиллер и другие. Царь Федор на русском престоле

находился до 1598 года, а затем после его смерти, для русской земли началось время, именуемое в истории смутным.

Благодаря пользовавшемуся авторитетом у народа и бояр патриарху Иову, указавшему на Бориса Годунова, как на единственного достойного претендента на Российский престол, последний был избран царем. Однако лишь первые годы царствования Бориса были сравнительно мирными. Затем, чувствуя себя по происхождению недостаточно знатным и боясь потери власти, он начинает преследовать более родовитых бояр, в том числе и Романовых, чем вызывает к себе недовольство.

Недород и в связи с этим страшный голод несколько лет подряд привели не только к большой смертности населения, но и к массовым беспорядкам. «Был в те времена великий голод по всей земле. Три лета земля не родила. Скот весь съели. Пашню не пахали и не сеяли. Бродили люди по лесам, по дорогам: кто в Сибирь тянул, кто на Север, где рыбы много, кто бежал зарубеж на литовские, на днепровские украины. В Москве Борис даром раздавал хлеб, и такое множество народа брело в Москву, дикие звери белым днем драли на дорогах отсталых, тех, кто с голоду ложился», – писал Алексей Толстой в своей «Повести смутного времени». (Собр. соч. в 10 т., т. 3, с. 276.).

Усилившаяся крепостная зависимость крестьян, в связи с упомянутым выше законом, принятом при Федоре, влечет за собой бегство их на окраины России, пополняет казачьи ряды. Растет в народе недовольство Годуновым.

Донские казаки терпели большие притеснения от Бориса Годунова. На Дону все чаще появлялись его воеводы. Еще в 1594 году он посылал в Раздорский городок грамоту, содержащую приказ заключить мир с Азовом, запрещавшую казакам совершать походы на Азов («хотя бы вам какая досада от Азова будет учиняться»). В случае неисполнения требования Годунов грозил казакам лишиться жалования. (История Донского края. Ростиздат. 1971, с. 37). В этот же год Годунов послал на Дон дворянина Петра Хрущева и предлагал донцам принять его в своей столице Раздорах в качестве головы, но вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы (Р.Г. Скрынников. «Самозванцы в России в начале XVII века». Новосибирск. 1987, с. 67). В ответ на это сношения Московского государства с Донским Войском были прерваны, а порубежные русские города закрыты для торговли с Доном.

Казаки понимали, что вольностям их приходит конец. Появление в это время слухов о том, что царевич Дмитрий, сын царя Грозного, чудом спасся и находится в Польше, в Раздорах было встречено с большой радостью и надеждой на восстановление былых свобод для казачества в случае воцарения последнего на российский престол.

Имеются сведения, что самозванец и сам пытался склонить казаков на свою сторону и с этой целью ездил в Сечь. Он просил запорожцев «насадить его на Путивле», самом крупном городе Северной земли, после чего обещал их щедро пожаловать.

Однако самозванцу в этот раз привлечь Сечь на свою сторону не удалось, но... Запорожцы помогли ему установить связи с донскими казаками. Осенью 1603 года послы самозванца посетили Раздоры на Дону. «Царевич» обещал донцам волю, и те немедленно отозвались на его обещание.

- Писал ты до нас, – значилось в казацкой отписке, – святой памяти отца своего и нашего прирожденного царя... Иоанна Васильевича... относительно полных вольных лет.

Донцы были первыми в России, кто решительно заявил о поддержке «законного монарха». «Мы, холопы твои, подданные государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению...»

Слухи о чудесном спасении Дмитрия подготовили почву для признания самозванца. Казаки поверили тому, что давно ждали. Их ответ «государю» был проникнут удивительной наивностью. В заголовке казацкой грамоты читаем: «По воле и благословению бога дарованному государю царевичу, воскресшему, как Лазарь из мертвых» (старина и новизна М-1911, Кн. 14, с. 413).

Обещания «полных вольных лет» при всей их неопределенности произвели на донцов почти магическое действие, и тотчас молва о чудесном спасении царевича начала трансформироваться в утопию о «добром царе».

В элементарном курсе Русской истории К.И. Добрынина (М., 1912, с. 104) говорится о том, что когда слухи о появлении в Польше самозванца дошли до Москвы, Годунов употребил все средства, чтобы разоблачить обман. В Польшу и во все концы русской земли были разосланы грамоты, в которых сообщалось, что Лжедмитрий есть никто иной, как беглый монах Гришка Отрепьев....«Но чем больше старались разуверить народ в справедливости слухов о появлении в Польше Дмитрия, тем упорнее народ верил тому, что самозванец – истинный царевич».

Казачий круг, проходивший на майдане Раздорского городка, постановил признать прирожденного государя, а атаманы Андрей Карела и Михайло Межаков взялись доставить приговорную грамоту «Дмитрию». Однако миссия эта завершилась провалом. Донцы были взяты под стражу, а находившийся в их руках пакет попал к черкасскому старосте князю Янушу Острожскому. Князья Острожские знали беглого московского инок и считали его обманщиком. Они не желали войны с Россией, но более всего боялись нового взрыва казацких восстаний на Украине. Допросив Карелу, князь Януш дознался, что на помощь «царевичу» скоро придут две тысячи донцов и других, «злодеев». Встревожившись, воевода обратился с письмом к королю (Сигизмунду III). Он предлагал с помощью военных мер пресечь назревавшее «воровство», в результате которого казаки «соединившись, или вторгнутся в московскую землю, или получают возможность произвести великие беспорядки на Украине» (там же, с. 431). В последующих письмах Острожский выражал опасения, что казаки, поддерживающие царевича, того и гляди, затеют бунт, наподобие бунта Наливайки (руководитель антифеодального крестьянско-казацкого восстания 1594-96 – Л.А.). Арест атамана Карелы и других послов Войска Донского помешал получить самозванцу своевременную помощь от вольных казаков с Дона. Однако по настоянию короля Острожский освободил донских посланников из-под стражи и отпустил их домой.

Вскоре из Самбора (город в Львовской области), где находился Отрепьев у Юрия Мнишек, на Дон выехал Литвин Счастливый – Свирский с запорожцами. Он отвез донцам «царское» знамя – красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине. У Карамзина читаем: «Зная свойство мятежных донских казаков, зная, что они не любят Годунова, казнившего многих из них за разбой, Лжедмитрий послал на Дон Литвина Свирского с грамотою; писал, что он сын первого царя белого, коему сии вольные христианские витязи присягнули в верности, звал их на дело славное: свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова. Два атамана А. Карела и М. Нежаков (он же Межаков. – Л.А.) спешили видеть Лжедмитрия, видели его честимого Сигизмундом, вельможными панами, и возвратились к товарищам с удостоверением, что их зовет истинный царевич. Удальцы донские сели на коней, чтобы присоединиться к толпам самозванца. На берегах Волги донские казаки разбили окольного Семена Годунова, посланного в Астрахань, и захватив несколько стрельцов, отпустили их в Москву с таким наказом: «Объявите Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Дмитрием» (Русская хрестоматия, М., 1903, с. 87-88). Между тем, московские власти вновь направили на Дон дворянина Петра Хрущева с тем, чтобы предотвратить смуту среди донских казаков, однако те связали царского посланника и отвезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Хрущев рассказал, что должен был склонить донцов к участию в войне с царевичем. Вот что об этом сообщает Карамзин: «Уже расстрига (15 августа) двинулся со своими дружинами к берегам днепровским и стоял в Сокольниках: Хрущев, представленный ему в цепях, взглянул на него... залился слезами и пал на колени, воскликнув: «Вижу Иоанна в лице твоём: я твой слуга навеки».

Князья Острожские – Василий (Киевский воевода) и Януш – опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон.

Войско самозванца насчитывало едва ли полторы тысячи исправных воинов, конников, и пеших, если не считать толпы черни, не организованной и плохо вооруженной. К ним близ Киева присоединились две тысячи казаков, приведенных Свирским с Дона. Вот как описана эта сцена встречи в упомянутой пушкинской трагедии.

На вопрос самозванца к казачьему атаману – ты кто? Андрей Карела ответил:

«Казак. К тебе я с Дона послан.

От вольных войск, от храбрых атаманов,

От казаков верховых и низовых,

Узреть твои царевы ясны очи

И кланяться тебе их головами».

Самозванец радуясь пополнению:

- Я знал донцов.

Не сомневался видеть

В своих рядах казачьи бунчуки.

Благодарим Донское наше войско.

Мы ведаем, что ныне казаки

Неправедно притеснены, гонимы,

Но если бог поможет нам вступить

На трон отцов, то мы по старине

Пожалуем наш верный вольный Дон».

Сюда же прибыли толпы вольницы киевской и северской и 16 октября перешли границу России. Лишь только тогда Борис стал решительно готовиться к обороне.

«Лжедмитрий шел с мечом и манифестом: объявлял россиянам, что он, невидимую десницею Всевышнего устранный от ножа Борисова и долго сокрываемый в неизвестности, сею же рукою введен на театр мира под знаменами сильного, храброго войска, и спешит в Москву взять наследие своих предков, венец и скипетр Владимиров, напоминал всем чиновникам и гражданам присягу, данную ими Иоанну: убеждал их оставить хитрого Бориса и служить государю законному, обещал мир, тишину, благоденствие, коих они не могли иметь в царствование злодея богопротивного». (Карамзин. Русская хрестоматия, с. 90).

18 октября жители и воины Моравска встречали Лжедмитрия хлебом-солью, 26 октября самозванцу покорилась столица древних Ольговичей – Чернигов. Здесь его радостно приветствовали криком: «Да здравствует государь наш Дмитрий». И лишь Новгород-Северский благодаря кипучей деятельности князя Петра Федоровича Басманова 11 ноября встретил Лжедмитрия в первый раз, в соответствии с его заслугами, ядрами и картечью.

На заверение прислужника самозванца ляха Бучинского о том, что царь и великий князь Дмитрий готов быть отцом воинов и жителей города, если ему сдадутся, ответил; «Великий князь и царь в Москве, а ваш Дмитрий разбойник сядет на кол вместе с вами». Басманов давал пример мужества многим знатым россиянам, часто ставившим свои корыстные цели выше государственных. Но без боя переходят на сторону мнимого царевича Путивль, Рыльск, Севск, Борисов, Белгород, Валуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Елец. Вся южная Россия встала против Бориса.

Басманов проявляет не только мужество, но и полководческий талант: заключает перемирие с самозванцем, чтобы потом, оказавшись в его тылу в самый неподходящий момент, заставить противника прекратить битву.

Борис высоко оценил подвиг Басманова, но вместо того, чтобы поставить его во главе своего войска, вызывает в Москву, посылает навстречу знатнейших государственных сановников и великолепные сани для торжественного въезда героя в столицу, из собственных рук вручает ему золотое блюдо с червонцами, 2000 рублей и множество серебряных сосудов, доходное поместье и сан боярина Думного. «Царь отнял лучшего воеводу у рати и сделал, кажется, новую ошибку, избрав Шуйского в начальники», – пишет Карамзин.

Шуйский находит войско близ Стародуба в лесах и принимает решение двигаться к Севску, где находился противник. Лжедмитрий несмотря на малочисленность своих сил не стал ждать в Севске и устремился навстречу. Бой разгорелся у Добрыничей. Используя численное превосходство и огневую мощь, несмотря на необыкновенную смелость и успех самозванца в начале боя, Шуйский становится победителем. Но, не будучи настоящим полководцем, он останавливает преследование бегущего, разбитого противника. Было убито около шести тысяч, взято немало в плен, захвачено 15 знамен, 13 пушек, рассеяна казачья конница. Самого Самозванца считали убитым. В Москве, получив донесение, пели благодарственные молебны, звонили в колокола, отлили золотые медали воеводам, а войску выделили 80000 рублей. На обозрение были выставлены знамена, трубы и бубны самозванцевы. Борис писал, что ждет сообщения о конце мятежа. Но самозванец был

жив, а победители безвременно веселясь и торжествуя, упустили его. И пока воеводы Борисовы занимались казнями жителей, усиливая ненависть к царю и доброе расположение к обманщику, тот обосновался в Путивле, лишенный надежды, разбитый наголову, с горстью беглецов, мечтая о тайном уходе в Литву. Но пристыженный и ободренный русскими сподвижниками, Лжедмитрий понимает, что начатое им дело, не только его личное. В Путивль приходит четырехтысячный отряд донских казаков, другие засели в городах и клялись оборонять их до последнего издыхания. Донские казаки составляли наиболее дисциплинированную и наиболее стойкую часть в рядах самозванца.

Лжедмитрий остался, к Сигизмунду послал за воспоможением, укреплял Путивль, издал новый манифест, рассказывая в нем свою вымышленную историю о Дмитриевой спасении, который умножил ему число друзей.

Карамзин писал: «Суд божий гремел над державным преступником. Никто из россиян до 1604 года не сомневался в убиении Дмитрия, который возрстал на глазах всего Углича и коего видел весь Углич мертвого, в течение пяти дней орошав его тело слезами, следственно россияне не могли разумно верить воскресению царевича, но они не любили Бориса! Сие несчастное расположение готовило их быть жертвою обмана. Сам Борис ослабил свидетельство истины, казнив важнейших очевидцев Дмитриевой смерти и явно ложными показаниями затмив страшные обстоятельства. Еще многие знали верно сию истину в Угличе, в Пелыме, но там жила в сердцах ненависть к тирану. Всех громогласнее, как пишут, свидетельствовал в столице князь Василий Шуйский, торжественно, на лобном месте, о несомнительной смерти царевича им виденного во гробе и в могиле... Еще не имел примера в истории самозванцев и не понимая столь дерзкого обмана, любя древнее племя царей и с жадностью слушая тайные рассказы о мнимых добродетелях Лжедмитрия, россияне тайно же передавали друг другу мысль, что бог действительно, каким-нибудь чудом, достойным его правосудия, мог спасти Иоаннова сына для казни ненавистного хищника и тирана. По крайней мере сомневались и не изъявляли ревности стоять за Бориса».

Между тем царские воеводы после неудачного двухнедельного штурма Рыльска совершают еще одну ошибку. Вместо решительного штурма Путивля, войска устремляются на соединение с запасной ратью Федора Шереметева, теснившего Кром, небольшой опорный пункт, построенный на пути степняков в пятидесяти верстах южнее Орла (ныне это районный центр в Орловской области).

Под руководством Андрея Корелы, одного из самых первых и верных соратников самозванца, всего шестьсот мужественных донцов, готовых стоять насмерть, в течение многих недель выдержали осаду восьмидесятитысячного войска. И это несмотря на то, что штурм готовился по всем правилам военного искусства. Посреди ночи, чтобы очистить место для атаки огромной армией, стены крепости были подожжены пехотой, сгорело все, что могло сгореть, тяжелые орудия разровняли пепелище, снеся остатки строений и обрушились на острог. А уже во время жестокого сражения на валу, когда казаки вынуждены были вступать в рукопашную, стрелять в упор и рубить шашками, запылала деревянная стена, последняя преграда, защищавшая их. Казаки сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы, вырыли окопы и лазы, по которым могли покидать крепость и возвращаться вновь. Свои жилища казаки устроили под внутренним обводом вала, вырыв в земле норы. Во время обстрела в них и отсиживались, укрываясь от ядер, а затем бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль. Неравная борьба потребовала больших потерь, истощила припасы, но тут на помощь приходит отряд в пятьсот казаков и обоз с хлебом в сто возов, казаки воспрянули духом.

В это время делает свой выбор и переходит на сторону самозванца со значительными силами герой обороны Новгорода Северского Петр Басманов. Лжедмитрий выступает на Москву и по пути осматривает развалины Кром, на шесть недель сковавших силы Бориса, чтобы отдать должное героизму их защитников, которые не только спасли ставку Лжедмитрия, но выиграли время, необходимое для политического выбора страны.

Вера в законность царствования Бориса была утрачена, число его приверженцев таяло с каждым днем, а число сторонников самозванца росло. В это время от глубоких переживаний Борис внезапно скончался (13 апреля 1605 года). Народ и в этом увидел суд божий за убийство Дмитрия.

Донские казаки вместе с «законным царем» вошли в Кремль и заняли все важные посты. Однако многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. По этой причине казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот. Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он осыпал его милостями.

Однако вождь повстанцев остался чужаком в толпе царедворцев. Во дворе у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. Донской атаман без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги, и в конце концов спился. Другой вождь казачьего войска – Постник Лунев принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, организовавшиеся в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Было угасшая жизнь в казачьих городках и даже в самом сердце донском, на острове в Раздорах, в связи с поддержкой «законного царя» и массовым уходом казаков в район боевых действий вновь ожила, когда полая вода 1605 года, освободив остров, уступила низины буйной зелени.

Сюда стали возвращаться герои Севска, Рыльска и Кром. Казачьи отряды, сыгравшие главную роль в воцарении на российском престоле Лжедмитрия, больше в Кремле были не нужны и под давлением боярской думы, которую все время, пока донцы несли здесь охрану, не покидал непреодолимый страх, они были распущены по домам.

Донская степь, изобиловавшая табунами сайгаков и куланов, косяками диких лошадей и стадами рогатого скота, многочисленным зверьем, включая европейского оленя и лося, речными гигантами и разнообразными пернатыми, могла свободно прокормить всех своих обитателей. Не угрожала людям, в совершенстве владевшим разнообразным оружием и постоянно упражнявшим военную сметку и находчивость, голодная смерть. Являясь выходцами из разных краев и народов, участвуя в многочисленных походах, казаки стали обладателями уникального и многогранного хозяйственного опыта, который позволял им успешно обслуживать себя в различных ситуациях. Основу благосостояния, конечно, составляли скотоводство и рыболовство. В последнем широко использовались различные способы, среди которых особое место занимали ставные орудия лова: вентерь, ванда, самолов, сеть. Среди активных орудий лова применялись волокуша, бредень, сеть раскидная, хватка, черпак, сеть наплавная. И особое место отводилось охоте с острогой, напоминавшей копье с трезубцем на конце. Этот вид охоты на крупную рыбу, чаще всего на сазана, весной во время нереста на мелководье требовал большого искусства, ловкости и силы и напоминал собой своеобразный поединок, в котором нередко страдал и сам охотник.

Существовали и многочисленные способы охоты: на птицу с луком, на зайца ставились силки и петли и только на медведя, сохатых и других крупных животных охотились с ружьями, что велось с загоном и засадами. Изготавливать орудия лова и охоты, строить жилища, ухаживать за лошадей вплоть до приема новорожденного жеребенка, оказывать первую помощь себе и товарищу умел – каждый член казачьей общины. Конечно, в некоторых видах деятельности требовался профессионализм. В общине были и свои мастера шорники, бондари, кузнецы, колесники, портные. Чтобы прожить день, нужно было хорошо потрудиться и, конечно, только людям – особого мужества и терпения, воли и закалки было под силу казаковать.

«Мы, холопы ваши, за хлебом, и за рыбою, и за зверям и за тровою на ряку и на степь день и ночь ездим беспрестанно, а кой час не поехать, кормиться нечим...».

Так напишут казаки с Дона в 1632 году в своей отписке царю и Патриарху всея Руси.

А ныне идет 1605 год, донцы живут надеждой на исполнение своих обещаний новым царем о предоставлении заслуженных им вольностей и привилегий.

Восстанавливались на Дону старые казачьи гнезда, городок Раздоры по-прежнему выполнял роль казачьей столицы. Все чаще и ярче горели здесь костры, собирая вокруг огня разноплеменные мужественные лица односумов. Они сходились, чтобы за вечерней трапезой обменяться новостями дня. Вспоминались и былые сражения и те, кто пав в боях, навечно остались лежать в Сумской, Орловской, Брянской и Северной земле, и те, кто пристав к «шайкам» вольницы еще продолжал искать счастья на южных и западных границах. Были среди прибывших на Дон и новички, пополнившие казачьи ряды на пути Самозванца к Москве, теперь постигавшие не менее опасную мирную казачью жизнь. И хотя в Поле уже давно не было видно многотысячных орд крымских татар, занятых завоеванием Венгрии, по степи промышляли охотники из Азовской крепости, Большой и Малой ногайской орды. Неусыпно высматривали врага на сторожевых курганах казачьи посты, далеко вперед выезжали дозоры. Важно было не только достойно встретить врага, но своевременно и надежно укрыть от него в балках и прибрежном лесу находившиеся под присмотром табунщиков на правом берегу

против острова косяки лошадей и гурты скота. Не раз вспыхивали и поднимались в ночное небо языки сигнального пламени на Маяцком кургане, хорошо видимого далеко вокруг, предупреждая об опасности и поднимая тревогу в казачьем стане.

Здесь, на Южных границах шла необъявленная война, от которой прежде всего страдали русские окраины и поселения донских казаков. В конце 1605 года казаки достигли крупного успеха в этой войне. В одной из стычек с врагом они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву.

Победа донцов окрылила Лжедмитрия. Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный – католик, православный царь Лжедмитрий не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую бы вошли католические государства; Габсбургская империя, Испания, Речь Посполитая и православная Русь. Однако момент был не слишком удачен, и папа римский ответил Лжедмитрию: «Пускай царь первый выступит на арену, пусть он вовлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой». Габсбурги и Сигизмунд III не поддержали Лжедмитрия, но тот твердо решил, упрочить свое воцарение. Некогда с помощью донцов Иван Грозный сокрушил ордынские владения в Казани и на Нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и нанести удар по Азову с тем, чтобы изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стала крепость Елец (ныне город и районный центр в Липецкой области). Туда он из Москвы отправил полевую и осадную артиллерию, создал склады снаряжения и продовольствия. К Ельцу шли отряды вооруженных людей. С весны 1606 года подготовка усилилась. Самозванец спешил начать войну. В военном лагере в окружении польской стражи, стрельцов и дворянства он мог чувствовать себя в безопасности.

Война с турками из-за Азова вновь привела бы под знамена Лжедмитрия вольных донских казаков, уже оказавших ему один раз неоценимую услугу. В казачьих городках его авторитет был высок, да и планы нового царя совпадали с интересами донских атаманов и казаков, ведших долгую и непрестанную войну с агрессивным южным соседом.

Не только на Дону свои надежды связывали с новым царем. Значительные силы из влиятельных и знатных людей в центре также поддерживали его деятельность. Видный русский и украинский писатель и историк XIX века Н. И. Костомаров писал:

«Кто бы ни был этот названный Дмитрий, и что бы ни вышло из него впоследствии, несомненно, что он для русского общества был человек, призывавший его к новой жизни, к новому, пути. Однако человек, поднявший всего год назад почти всю Россию, остался в истории не «признанным», а самозванцем».

Историк Ключевский высказал о происхождении самозванца интересную мысль.

«В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства, с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Вину поляков, что они его подстроили: но он был только испечен в польской печи, а заквашен в Москве», (соч. 1988 – т. 3, с. 30).

Сын галицкого мелкого дворянина Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий, служил в Москве холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского. Когда опалы обрушились на романовский кружок, он бежит в Литву, а затем в Польшу. Одаренный, великолепный оратор, с благородными манерами, храбрый, ставший царем зарекомендовал себя деятельным управителем, держался как законный, уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил никогда на его лице ни тени сомнения в этом. А принявший его сторону П.Ф. Басманов, именно тот который нанес ему первое поражение, а затем, приведший его к окончательной победе, был уверен, что царь не сын Грозного, а признавал его потому, что для России лучшего царя не видел. Однако 17 мая 1606 года его убьет из бандитского обреза один из заговорщиков (Григорий Валуев), а царское место займет уже известный интриган – князь Василий Иванович Шуйский. «Маленький старик лет за пятьдесят с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы и сильно верил чародейству!», – так характеризует его Соловьев. А Костомаров добавляет и другие его качества: «Он гнул шею перед силою, покорно служил власти, пока она была могуча для него, но изменял ей, когда видел, что она слаба...», – и отмечает его хитрость и коварство.

На Красной площади было выставлено два трупа. Царь – самозванец с дудкой во рту и маской на груди, а у его ног – верный Басманов. Похоронили же их поровнь. Но даже мертвого Лжедмитрия не оставили в покое.

По Москве пошел слух, что мертвый царь ходит по городу. Жестокие и трусливые убийцы не могли спать спокойно. Тогда из ямы на кладбище, куда сбрасывали умерших нищих, опившихся и обездоленных, куда попал и труп Лжедмитрия, его вынули и вывезли за Серпуховские ворота. Костер и выстрел из пушки развеяли его прах по воздуху, но отнюдь, не остановили новых претендентов на российский престол.

Несмотря на принятые Шуйским меры по предотвращению возможности появления нового самозванца, очень скоро начали распространяться слухи о спасении Лжедмитрия, вместо которого, якобы, был убит кто-то другой.

На южных окраинах русского государства; в Путивле и Кромах, где не так давно население без колебаний поддержало «царевича Дмитрия» и пополнило его ряды, ставшими его опорными пунктами в борьбе за русскую корону: в Ельце, бывшем центре подготовки похода на турецкий Азов Лжедмитрием, который он задумал после прихода к власти и, который был горячо поддержан казаками в Раздорах, сосредоточилось большое количество стрельцов, беглых холопов, крестьян, казаков, совсем недавно сопровождавших и активно поддерживавших своего кумира.

Хотя Шуйский был достаточно знатен родом и был наделен способностями, у народа он уважением не пользовался. Народ не верил в справедливость избрания последнего, так как не только огромная русская земля, но даже Москва не участвовали в его выборах. Он был поставлен царем кучкой бояр. Против Шуйского собралась многотысячная армия простых людей. Возглавил ее талантливый вожак Иван Исаевич Болотников.

Рассказывают, что в молодости Болотников бежал в степь от своего хозяина князя Телятевского в поисках вольной жизни, к казакам. В то время стычки между казаками и кочевниками происходили довольно часто. В одном из сражений с татарами Болотников был захвачен в плен и доставлен на невольничий рынок в Азов. Здесь его купил владелец турецкой галеры в качестве гребца. Через некоторое время в морском бою, в котором турки потерпели поражение, он был освобожден и оказался в Венеции, откуда через Германию возвратился в Россию. Так произошло, что он попал в центр крестьянско-казацкого освободительного движения, где вскоре получил высокое доверие его участников.

Книга XVII века «Летопись о многих мятежах» рассказывает об этом событии в следующих словах: «Собрахуся боярские люди и крестьяне, к ним же приступаху и украинские посадские люди, и стрельцы, и казаки, и начаша по градам воевод имати и сожати по темницам. Бояр же своих дома разоряху и животы гробяху». (Кремль Москвы: Изд. Московский рабочий. 1957, с. 18).

После победы над войсками Шуйского под Кромами, Ельцом и Калугой 23 сентября 1606 года к армии Болотникова присоединились новые группы не только из народа, но и представители землевладельцев, недовольных правительством Василия Шуйского. Во главе с Прокопием Ляпуновым к восставшим присоединился отряд рязанских бояр, а тульские и веневские землевладельцы – под предводительством сотника Истома Пашкова. Дворянские дружины, конечно, не интересовали цели восставшего народа, они присоединились к нему лишь из желания воспользоваться крестьянско-казацким движением для борьбы с Шуйским. «Политическим же лозунгом восстания Болотникова было провозглашение царем «царя Дмитрия». Вера в него была присуща не только рядовым участникам восстания, но и самому Болотникову, называвшему себя лишь «большим воеводой царя Дмитрия». (Всемирная история, М., 1958, т. 4, с. 520).

Сосредоточившись под Москвой в селе Коломенском осенью 1606 г., сотысячная армия Болотникова была близка к победе, но в решающий момент сражения, примкнувшие к ней дворянские отряды П. П. Ляпунова и других попутчиков, перешли на сторону Шуйского и изменили исход сражения,

После поражения под Москвой главными базами восстания становятся Калуга и Тула. Начавшееся, как чисто казацкое, выступление на Тереке, возглавлявшееся Ильей Горчаковым, выдававшим себя за сына Федора мнимого царевича Петра, в 1607 году слилось с восстанием Болотникова. Движением против крепостников были охвачены Поволжье, Рязанская, Новгородская, Псковская и др. области. Еще не одну победу одержат восставшие, героически будет сражаться осажденная Тула, но истощенный гарнизон, поверив лживым обещаниям Шуйского сохранить жизнь его воинам, сложит оружие и будет беспощадно уничтожен. «Царевич Петр» будет вскоре повешен, а Болотникову сначала выколят глаза, а затем утопят в 1608 году в Каргополе.

Донские казаки приняли активное участие во всех крупных сражениях Болотникова с царскими войсками. Они оказали ему решающую помощь, придя осенью 1606 года в Путивль. Сколь жестокими были сражения, можно судить хотя бы по тому, что у Пчельни армия Шуйского потеряла только убитыми 14 тысяч человек. Удивительно храбро сражался на речке Восме в Каширском уезде отряд казаков в 1700 человек, попавших в

осаду. В ходе боя казаки прорвали осаду превосходящих сил, переправились через Восму и, захватив на левом берегу буерак, метким огнем стали наносить ощутимый урон противнику. А когда войскам Шуйского удалось нанести поражение основным силам Болотникова, казачий отряд оказался снова в осаде. От капитуляции с сохранением жизни отказались, заявив, что «Лучше умереть, чем сдаться». Два дня донцы «бились насмерть», отбивая атаки царских полков пока не кончилось «зелье». Многие из них погибли в сражении, а попавшие в плен на третий день были жестоко казнены за то, что «побили государевых людей» (Смирнов и др. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.). Известны фамилии нескольких казачьих атаманов, сражавшихся на стороне Болотникова. Это Василий Шестак, Солома, Юрий Беззубцев, Иван Заруцкий и др. Под предводительством Заруцкого казаки продолжали борьбу и после поражения восстания (Золотой и Пронштейн. За землю, за волю... РИ, 1974, с. 19).

В 1607 году объявляется, в Стародубе-Северском новый самозванец, теперь уже выдававший себя за якобы спасшегося Лжедмитрия, но на самом деле выдвинутый польскими феодалами.

О Лжедмитрий втором летописец говорит: «Все воры, которые назывались царским именем, известны были многим людям, откуда который взялся, но этого вора, который назывался расстригиным именем, отнюдь никто не знал, неведомо, откуда взялся; многие догадывались, что он был не из служилых людей, думали, что он или попов сын, или церковный дьячок, потому что знал весь круг церковный». (СМ. Соловьев, 1989, кн. IV. 464). Лжедмитрий второй, чтобы привлечь на свою сторону обещал вольности холопам и крестьянам, свободу и привилегии казакам. Именно к нему, о котором и сегодня мало известно, приехали в Орел 3000 запорожцев и 5000 донцов под начальством атамана Заруцкого, о котором известно, что родом он из Тернополя, еще ребенком был татарами взят в плен, а став взрослым пробрался на Дон к казакам, отличился между ними в сражении, потом служил у Болотникова. На службу к Лжедмитрию появился уже старшиною, перед товарищами выдавался не только стройностью и красотой, но и отвагой.

«Донцы привели с собой вместо казненного Лжепетра другого племянника, также сына царя Федора... казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич, Лаврентий, оказался внуком Грозного от царевича Ивана, в степных юртах явились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерощка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка – все сыновья царя Федора Ивановича» (СМ. Соловьев, там же, с. 469).

Основное военное ядро Лжедмитрия второго состояло из польско-литовских отрядов. Здесь оказались бывший покровитель Лжедмитрия князь Вишневецкий и князь Рожинский, а вслед за ними и более мелкие шляхтичи. Присоединились к нему и русские, кто продолжал борьбу с правительством Шуйского, и в их числе Трубецкие и Романовы. Из «Летописной книги», написанной, вскоре после событий «Смутного времени» (1626 год), которую высоко оценивают многие исследователи как «исторический источник и считают ее автором представителя боярской знати князя И.М. Катырева-Ростовского, можно узнать подробности похода Лжедмитрия второго к Москве. «Было это весной 1607 года. Тогда ротай ралом погружает, и сладкую борозду прочертает, и плододателя бога на помощь призывает. Растут желды (травы) и еленеются поля, и новым листием облачаются деревья, и отовсюду украшаются плоды земля, поют птицы сладким воспеванием, иже по смотрению божию, по его человеколюбию всякое упокоение человеком спеет на услаждение. В сие же время красовидные години прежереченный хищный волк собрался со множеством воин польского народу и с казаки Северские страны и поидоша на воевод московских и на все воинство». (Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1952, с. 339). Москву ему захватить не удалось и он расположил свои войска в селе Тушине под столицей за что был прозван «Тушинским вором». Здесь в 1603 году Лжедмитрий второй, чтобы более убедительно представлять своего предшественника, тайно обвенчался с его вдовой Мариной Мнишек, которая якобы в нем узнала своего законного мужа.

В 1608 году, когда положение Шуйского стало критическим, он решил воспользоваться еще ранее предлагавшейся ему шведским королем Карлом IX помощью. Под предводительством талантливого русского полководца Скопина-Шуйского, возглавившего объединенные русско-шведские силы, был проведен целый ряд успешных операций против поляков и тушинцев. Лжедмитрий второй в конце 1609 года бежит в Калугу, но в 1610 году опять подступит безуспешно к Москве. После нового бегства будет убит в Калуге.

Чрезмерная популярность в народе Скопина-Шуйского становится причиной его смерти, последовавшей 23 апреля 1610 года.

«Многим казалось, что если Бог восстановит Россию, то она в награду за свои великодушные усилия должна иметь царя лучшего, не Василия, который предал государство разбойникам, сравнял Москву с Тушином, и едва на главе слабой удерживает венец срываемый с него буйною чернью; а мысль о новом царе была мыслию о князе Михаиле (имеется в виду Скопин-Шуйский – Л.А.) и человек сильный духом, дерзнул всенародно изъявить оную. Тот, кто господством ума своего решил судьбу первого бунта, способствовал успехам и гибели опасного Болотникова, изменил Василию и загладил измену важными услугами, не только не пристал ко второму Лжедмитрию, но и не дал ему Рязани – думный дворянин Ляпунов, вдруг и торжественно, именем России, предложил царство Скопину, называя его в льстивом письме единым достойным венца, а Василия осыпая укоризнами. Сию грамоту вручили князю Михаилу послы рязанские: не дочитав, он изодрал ее, велел схватить их, как мятежников, и представить царю. Послы упали на колени, обливаясь слезами, винули одного Ляпунова, клялись в верности к Василию. Еще более милосердный, нежели строгий, князь Михаил дозволил им мирно возвратиться в Рязань, надеясь может быть, образумить ее дерзкого воеводу и сохранить в нем знаменитого слугу для Отечества. Он сохранил Ляпунова, но не спас себя от клеветы...» – пишет Карамзин (Русская хрестоматия М-1903, т. I, с. 100-101).

Народ считал виновником этой трагедии самого царя и сверг его с престола. После Шуйского к власти пришла группа родовитых бояр. Новое правительство получило название «Семибоярщины» (состояло из семи человек). Уже известный нам Джером Горсей в своих «Записках о России» (МГУ – 1990, с. 208) упоминает, что 17 августа 1610 года «семибоярщина» заключила договор, по которому русским царем признавался польский королевич Владислав. Однако Сигизмунд III условия этого договора выполнять не собирался. «Семибоярщина», предав интересы родины, впустила в столицу польские войска во главе с А. Гонсевским. Давно вынашивая планы захвата русского севера, король Швеции Карл IX также перешел к открытой интервенции. В июле 1611 года шведские войска под предводительством Делагарди захватили Новгород Великий и оккупировали всю Новгородскую землю. Не сдались врагу Псков и его пригород Гдов.

В этих условиях на защиту страны поднялся простой народ. Против интервентов сражались многие города. Особую известность получили героическая защита Смоленска, длившаяся почти два года, и Троице-Сергиевой лавры, показавшие высокую доблесть и непоколебимое мужество в сражении со значительно превосходящим противником.

Появляются воззвания, призывающие к вооруженной борьбе против польских захватчиков. Одним из авторов воззваний был глава православной церкви Гермоген. Поляки заключили Гермогена под стражу, требовали, чтобы он успокоил народ, призвал его не выступать против польской власти, но патриарх был непоколебим. Его услышали во многих городах. В Рязани начало собираться ополчение, которое возглавил рязанский воевода Прокопий Ляпунов. К нему присоединились служилые люди, казаки из разных мест, а также остатки вооруженных сил Тушинского лагеря – казачьи полки во главе с Иваном Заруцким и Дмитрием Трубецким. Но еще до подхода ополчения к Москве, там вспыхнуло восстание, во время которого поляки подожгли город.

Осадив уцелевшие Кремль и Китай-город, где засели поляки, ополчение выбрало временное правительство из трех лиц, из двух казацких вождей, князя Трубецкого и атамана Заруцкого, и дворянского предводителя Прокопия Ляпунова. В руководство временному правительству был дан документ, именуемый «Приговором первого ополчения 30 июня 1611 года о борьбе с польскими захватчиками», в котором в частности говорится: «...выбрали всею землею, бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина воеводу Прокопия Петровича Ляпунова, на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправы всякие меж «сяких людей чинити в правду, а ратным и земским всяким людем и их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем...»

«Ополчение два с лишним месяца, простояло под Москвой, еще ничего важного не сделало для ее выручки, а уже выступило всевластным распорядителем земли. Но когда Ляпунов озлобил против себя своих союзников казаков, дворянский лагерь не смог защитить своего вождя и без труда был разогнан казацкими саблями», – пишет Ключевский (т. 3, с. 44).

Овладеть Москвой первому ополчению не удалось. После убийства Ляпунова, здесь остались лишь казаки во главе с Иваном Заруцким и Дмитрием Трубецким, которые одни были бессильны очистить столицу от интервентов. А впереди был новый, незаконный претендент на верховную власть в России, некий Сидорка, объявивший себя в конце 1611 года теперь уже за спасшегося Лжедмитрия второго. И в казачьей среде появляется сомнение в справедливости той борьбы, которая затянулась на многие годы. Некоторая часть их

ушла в родные места. Одним из первых казачьих атаманов, отказавшихся бороться за самозванцев, был Смага Степанович Чертенский (он же Чершенский – Л.А.), который покинул Заруцкого и вернулся на Дон. Здесь, на казачьем кругу в Раздорах, он был избран войсковым атаманом и руководил войском в течение ряда лет. Король польский Сигизмунд III в конце 1612 года присылал к Смаге Степановичу послов, извещая о совершившемся будто бы своем избрании московским царем и требовал присяги на верность себе от казаков и ногайцев, однако из Раздор польское посольство вернулось к королю ни с чем.

Сидорка в Ивангороде, собрав отряды казаков и стрельцов, добился присяги Пскова, почему стал прозываться «Псковским вором», а в 1612 году ему присягнули и подмосковные отряды, распавшегося первого Земского ополчения, в том числе и казаков Заруцкого. После выдачи Сидорки правительству и отправки его в Москву, Заруцкий и Трубецкой целовали крест «царенку» (сыну Лжедмитрия второго и Марины Мнишек), что лишило их доверия тех слоев населения, которые стремились продолжить борьбу с интервентами. А между тем в это же время ширится патриотическое движение за освобождение отечества и столицы от польских и шведских интервентов. Центром его стал Нижний Новгород, а организатором народных сил был земский староста Козьма Захарович Минин. По его призыву началось формирование второго ополчения.

«В Нижнем Новгороде гости и посадские люди и выборный человек Косьма Минин, ревнуя пользе, не пощадя своего имения, учили ратных людей сподоблять денежным жалованьем, и присылали по меня, князя Дмитрия, многожды, чтобы мне ехать в Нижний для земского совета; и я, по их прошению приехал к ним... и, прося у бога милости, учал с ними и с выборным человеком с Косьмою Мининым и с посадскими людьми советовать, чтобы нам против врагов и разорителей веры христианские, польских и литовских людей, за Московское государство стояти всем едино мысленно и вору, который во Пскове и Марине и сыну ее не служить и против их и тех, которые им учнут служить, стояти, а государя избрати всю землю, кого милосердный бог даст; и советовав, дали мы в том богу души свои, а ратным всядам людям денежное жалованье дали нескрудно...

И вам бы господа, про то было ведомо, и прислали бы вам к нам, для общего земского совета, изо всяких чинов человека по два и по три...» – говорится в Окружной грамоте Пожарского с товарищами в июне 1612 года о создании второго ополчения. (Собрание государственных грамот и договоров. М-1822, т. II, № 281).

Россия переживала, по выражению современника, такое лютое время, что люди не чаяли впереди спасения себе. Чуть не вся земля русская запустела. И прозвали старики наши это лютое время лихолетьем. «Звери пожирали живых людей, и люди людей ели. Жигимонт (Сигизмунд III) все московское государство велел предать огню и мечу». Истомленные голодом и болезнями, израненные и измученные врагами, люди искали пристанища в монастырях. В это время вновь отличается Троице-Сергиева лавра. Она превратилась для тысяч несчастных людей в столовую и больницу. А после смерти в подземелье Чудова монастыря патриарха Гермогена, его роль глашатая в борьбе за веру и русское государство берет на себя архимандрит Троицкой лавры Дионисий.

Из Нижнего Новгорода ополчение, которое возглавил князь Дмитрий Михайлович Пожарский, переместилось в Ярославль. Здесь было создано из выборных людей новое «земское» правительство, которое не только формировало отряды, занималось их вооружением и снаряжением, но и вело дипломатические переговоры со шведами и австрийскими Габсбургами в результате которых удалось достичь соглашений, обеспечивших свободу действий ополчения против главного врага – Польши. Известие о движении значительных сил наемников под предводительством Ходкевича на помощь польскому гарнизону, засевшему в Москве, ускорило выступление второго ополчения из Ярославля которое к началу августа 1612 года разместило свои отряды в построенных укреплениях у Петровских (400 всадников) и Тверских (700 всадников) ворот, перерезав Смоленскую дорогу, по которой двигался Ходкевич.

Казаки князя Трубецкого, поддержавшие новое ополчение, стояли в Замоскворечье. 20 августа к Москве подошли главные силы Пожарского, а вместе с ними и отряды донских казаков, «отъехавших» в Ярославль, и присоединившихся ко второму ополчению, после того как Заруцкий с частью казаков стал главной силой, поддерживавшей Марину Мнишек и ее сына от Лжедмитрия второго.

Об огромном значении второго ополчения в борьбе с польско-шведской интервенцией и в освобождении Москвы нам хорошо известно из школьных учебников, поэтому в данном очерке мне хотелось бы показать роль в этой борьбе донских казаков. Одним из современников

Лихолетья, участником и свидетелем событий под Москвой был Авраамий Палицын, келарь Троицкой лавры, ведавший ее земельными владениями и имуществом. В своих воспоминаниях «О приходе втором к Москве гетмана Хоткевича и о бою с православными» он, в частности, пишет: «Исперва литовские конные роты русских людей потеснили, и потом же многими пешими людьми приходили на станы приступом и бились с утра и до вечера. И паки господь бог милость показа, литовских людей от станов отбили, и за Москву за реку прогнали. В нощи же той от гетмана придоша во град к литовским людям гайдуков шесть сот человек, а на утрие вышедшие из грады, за Москвою рекою у страстотерпца христова Георгия острог взяли и знамя свое поставили на церкви. Зверообразный же гетман Хоткевич, придя от реки Сетуни со всеми своими людьми ко пречистые Богородицы Донские. Светающу понеделнику начаша полцы сходится: бе бо от обою страну множество бесчисленно людей, окоянные же люторы (неправославные) польские и литовские люди начле зверообразным рвением наступиша на московское воинство, божьим же попущением грех наших ради рустии полцы вдаша плещи свои, на бегством устремишася так же и пешие все, ров покинувше побегоша и острог у святого Климента покинули, из града же вышедшие литовские люди в том острожке сели, и знамена на церкви поставили и запасы многие от гетмана в тот острог ввезоша, яко никому же им возбраняющу. Но егда уже изнемогаши... и ко спасителю своему... от всея души возопиша помощи на сопротивных просяще. Тогда всемогий вскоре показа крепкую свою и непобедимую силу. Казаки убо, которые от Климента святого из острожку выбегли, возревшееся на острог, видеша на церкви литовские знамена и запасов много во острог вшедших и зело умилившееся и воздохнувшие и прослезившееся к богу, мало бо их числом. И тако возвращеся устремишася единодушно к острогу приступом, и взелише его, литовских людей всех острию меча предаша, и запасы их поимаша, прочие же литовские люди устрашишася зело и вспять возвратишася во град Москву, иные же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их, яко и самим им удивляющимися силе божий». (Хрестоматия по русской военной истории с. 79).

При очищении Москвы от поляков, казаки сыграли очень важную роль, особенно в напряженные, самые критические моменты борьбы войск второго ополчения. Так, видя поведение, не отвечающее общей задаче ополчения, со стороны своего предводителя князя Трубецкого, донские атаманы Филат Межеков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Марка Козлов «со всею дружиною своею поидоша самовольством на помощь к бьющимся... и придоша на помощь к Пожарскому, и пособием божьим гетмана поразивши отгнаша»... (там же). Активное участие в борьбе с польско-шведскими интервентами в 1611 – 1612 годах под Москвой и под Смоленском в 1616 году с князем Трубецким принимали атаманы донских казачьих отрядов Иван Адамов, Дружина Бешеной, Михаил Горчаков, Павел Гусинский. (Материалы для истории Войска. 1864).

Очень высоко оценивает роль донских казаков в составе второго ополчения В. О. Ключевский, как в отражении гетмана Ходкевича и захвате обоза с продовольствием для осажденного в Москве польско-литовского гарнизона, так и в победе их над Сигизмундом III под Волоколамском. Под Москвой стоял казацкий отряд князя Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков и на предложение князя Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой ничего важного не было сделано. Врагом князя Пожарского числилось больше сорока начальных людей, все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это – монах А. Палицын и мясной торговец К. Минин. Первый по просьбе князя Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян, а второй выпросил у князя Пожарского 3-4 роты и с ними сделали удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Ходкевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами, для голодавших там соотчичей.

Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками. В октябре 1612 года казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль, сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой.

Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью». (Соч. т. 3, с. 56. 57).

Побежденные поляки, оставив Москву и разделившись на группы, бродили по стране, занимаясь грабежом и разбоем. Одна из таких групп, узнав об избрании царем Михаила, решила убить его. Молодой царь в это время жил со своей матерью в родовой вотчине, близ Костромы. Пробираясь к его усадьбе, поляки в качестве проводника взяли крестьянина из деревни Домнино Ивана Сусанина, обещая большое вознаграждение. Сусанин догадался зачем ищут поляки царя Михаила и вместо усадьбы завел их в густой

непроходимый лес, между тем своего сына он послал потихоньку предупредить Михаила, и тот немедленно уехал в Ипатьевский монастырь, близ Костромы, где он был в безопасности. Поняв, что Сусанин завел их в глушь специально, поляки убили его, но и сами не смогли выбраться из леса.

Особый интерес представляет история выборов царя на российский престол. На царское место претендовали многие, среди которых были князья Голицын, Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, М.Ф. Романов. «Сам скромный по отечеству и характеру, князь Пожарский тоже, говорили, искал престола и немало потратил денег на происки». Видную роль в избрании царя сыграли донские казаки.

Крупнейший русский историк В.О. Ключевский считает, что «Московское государство выходило из страшной смуты без героев, его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов – не князь Скопин-Шуйский... В то время как собор разбивался на партии, не зная кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим «писания», петиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов Северной земли и даже от казаков, последние и решили дело. Видя слабосилие дворянской рати, казаки буйствовали в освобожденной ими Москве, делали, что хотели, не стесняясь временным правительством Трубецкого, Пожарского, Минина. Но в деле царского избрания они заявили себя патриотами, решительно восстали против царя из чужеземцев, намечали, «примеривали» настоящих русских кандидатов, ребенка, сына вора тушинского и Михаила Романова, отец которого Филарет был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго. Главная опора самозванства – казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына, своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно, больше из казацкого приличия, и казаки не настаивали на этом кандидате, когда земский собор отверг его. Сам по себе Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество! Это неожиданное согласие отразилось и на соборе».

Нельзя не остановиться на самой процедуре борьбы за кандидатов на царский престол, который, как мне кажется, наиболее ярко показывает авторитет казаков на соборе, описанном так же Ключевским. Суть такова: дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал письменное мнение за М.Ф. Романова, объясняя это тем, что он ближе всех по родству к прежним царям. Против Михаила были многие члены собора, хотя еще патриарх Гермоген указывал на него, как на желательного преемника царя Василия Шуйского. Письменное мнение из Галича раздражило многих. Раздались многие голоса недовольства. В это время из рядов выборных выделился донской атаман Феофилакт Межаков и подойдя к столу, положил на него бумагу. «Какое это писание ты подал, атаман?» – спросил его князь Д.М. Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче» – ответил атаман. Этот атаман и решил все дело: «прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет», – как пишет один бытописатель. Так Михаила провозгласили царем. Окончательное избрание произошло 21 февраля 1613 г. На вопрос с Лобного места на Красной площади духовных лиц и боярина к собравшемуся здесь во множеству народу, кого хотят своим царем, все закричали: «Михаила Федоровича».

Толпы черни, отряды запорожских и донских казаков, ватаги других борцов за свои права против угнетателей, возникшие в разных уголках России, переходящие от одного самозванца к другому, частью уверенные в своей правоте, частью же влекомые жаждой добычи, с бегством последнего вирного заговорщика Заруцкого в Астрахань, получили возможность обдумать свои действия и поступки.

Большинство из них устав от беспокойной и бурной жизни последних лет принесли присягу новому, избранному всероссийским Собором царю Михаилу Федоровичу Романову и отправились на Дон и в другие места, чтобы начать мирную жизнь и восстановить свои гнезда, разрушенные смутой и лихолетьем. А через некоторое время, после вступления на престол Михаила Федоровича Романова, в Раздорах на Дону атаманы Смага Степанович Чертенский и его правая рука Епиха Иванович Родилов, приняв «с честью» государства посла Солового-Протасова направлявшегося в Цареград, отправят в Москву атамана Игнатия Давыдовича Бедрищева и казака Назара Ивановича Могилева с просьбой о присылке на Дон «государева жалования».

В документах Посольского приказа через некоторое время будет сделана следующая запись:

«1613, декабря 22. Приезд в Москву донского атамана Игнатия Бедрищева с челобитьем от войска казачьего о жалованье. Тут же обратное отправление его с грамотами на Дон и в Астрахань к волжским казакам и Ивану Заруцкому». (Бым. Московск. государ., арх. Мин. ин. д. Дела Донские. 1594 – 1641 г. св. I).

Смутное время явилось не только великим испытанием для русского народа, но и временем роста его самосознания. Тяжелый рабский труд сначала толкнул крестьян в армии самозванцев, поддерживавшихся казаками, а с приходом к власти новой царской династии Романовых, не захотевшие вернуться к своим хозяевам пополнили еще продолжавшиеся антиправительственные выступления в разных районах страны. Многие подались на Дон. Правительство вынуждено было пойти на уступку, дозволив тем, кто пошел в казаки, оставаться в казачестве, допустив существование последнего в виде особого военного сословия, наравне со стрельцами, пушкарями и воротниками. Смутное время, таким образом, явилось временем самого значительного пополнения казачьих рядов, а некоторые исследователи приходят к выводу, что, стремясь только к образованию в южных русских краях отдельного общества, но вмешавшись в начале XVII века в дела Москвы для защиты своей независимости от северного единовластия, казачество уже не могло ограничиться южными степями, а стремилось распространить свои «начала» по всей земле Московского государства. С этого времени повсюду появляются казаки: на Тереке – гребенские (терские), на Яике (Урале) – яицкие (уральские), в Средней Азии – семиреченские, на Волге – астраханские, на Иртыше – сибирские, на Оренбургской оборонительной линии – оренбургские, на Кубани – кубанские, в Забайкалье – забайкальские, на Уссури – уссурийские, на Амуре – амурские.

Перекликаются с вышеизложенным и воспоминания Ф.Ф. Вигеля, опубликованные в 1865 году в издававшемся в Москве литературно-политическом журнале «Русский вестник», в которых в частности, автор говорит:

- Во дни порабощения России, ея бессилия и неустройства на южных пределах её без её участия и ведома сама собою встала живая стена, составленная из ратников, которые удалством своим долго изумляли окрестные края. То, что мудрость человеческая сделала для охранения Рима (военные пограничные поселения) и не спасла его. Провидению угодно было то сотворить для нас. От берегов Днепра и вдоль по Тихому Дону перстом Всевышнего проведена была блестящая черта: она должна была, как межа, означать владения возвеличенной им России. Когда же они достигли до этой грани, то черта сама собою, естественным образом, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находим ее на берегах Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконец, ее видели на Амуре до стока его в Тихое море (Тихий океан – Л.А.). Запас, самим небом для нас приготовленный, за которым мы не можем достаточно возблагодарить его: казачье войско сберегло нам половину Украины, помогло взять обратно другую и теперь в отдаленнейших местах стоит везде на страже, как передовые версты сил русских. Его заслуги неисчислимы.

В ранний период своей истории, как это ни странно, казаки не считали себя русскими или московскими; в то же время и жители Московского государства, да и само правительство смотрели на казаков, как на особую народность, хотя и родственную с ними по вере и языку. В подтверждение сказанного видный донской историк Е.П. Савельев приводит, на мой взгляд, убедительный довод, все сношения казаков с российским правительством в XVI – XVII веках происходили через Польский, приказ. Казацких послов в Москве принимали с такою же пышностью и торжественностью, как и иностранные посольства. Об этом же говорит и русский публицист XVII века Григорий Катошихин. Да и документ, уже ранее приведенный мною и содержащий запись, сделанную в Посольском приказе в 1613 году 22 декабря «О приезде в Москву донского атамана Игнатия Бедрищева с челобитной от казачьего войска о жалованье», хранился не случайно в архиве именно Министерства иностранных дел, что также свидетельствует в пользу высказанного мнения.

Долгое время позиция казачества в трудное для России время «пресечения власти» и польско-шведской интервенции в исторической литературе несправедливо освещалась односторонне, лишь как носителя смуты и сторонника самозванства, что бесспорно соответствует исторической действительности, однако это справедливо лишь к первому периоду этого времени. Когда же Москва оказалась в руках интервентов, в отличие от представителей многих боярских родов, легко перешедших на сторону врага, казаки прочно заняли свое место в ополчениях русского народа.

Донские атаманы со своими отрядами, как это стало теперь достоверно известно из сказаний не только очевидца, но и участника событий келария Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, которого В.О. Ключевский ставит рядом с К. Мининым, немало способствовали освобождению Москвы от поляков, а затем и участвовали в соборе по выборам российского царя, сыграли в них не менее значительную роль. Таким образом, выполнив свое назначение в смутное для Руси время, казаки возвратились на Дон, но не затем, чтобы вести мирную жизнь, ибо таковая им не была знакома, а чтобы сразу включиться в защиту южных окраин России, которые не переставали интересоваться не только Турцию, но и подвластное ей Крымское ханство, а также, вышедшие из-под влияния России в лихолетье Большие и Малые Ногаи и установившие связи с Заруцким, продолжавшим борьбу с новым царем.

Вновь закипела весной 1613 года жизнь в Раздорах, оказавшихся еще и еще раз местом важных событий российской истории. Проводив в сентябре государева посла дворянина Солового-Протасьева и дьяка Данилова, следовавших в Константинополь к султану Ахмату, в Азовскую крепость и отправив в Москву станицу за жалованием, Смага Чертенский в своей атаманской деятельности видит главную задачу в утверждении казаков в верности Москве. И не только потому, что был предан новому царю, а потому, что не верил старый атаман в успех движения, возглавлявшегося Заруцким, которое, как сообщили сопровождавшие на Дон Солового – Протасьева, атаманы Григорий Долгошея и Гаврило Стародуб со своими станциями, еще носило широкий размах. Атамана Долгошею и есаула Василия Панка при следовании на Дон посол отправил вперед для осмотра пути, и они, не доезжая до устья Хопра, возвратились назад, сообщив, что «на Хопре казаки воруют, прямят Маринке и сыну ея, а про вора сказывают, что он будто в Кизилбашах (Персии). И Заруцкого и Маринку с сыном пустили в Астрахань и крест ей целовали».

Однако такое настроение хоперских казаков не помешало послу, благодаря умению и осторожности атаманов Долгошеи и Стародуба благополучно добраться в «нижние юрты».

Борьба с Заруцким и его сторонниками для нового царя являлась важным государственным делом и была поручена воеводе князю Ивану Одоевскому. До Москвы дошла весть, что Заруцкий собирает силы казаков на борьбу с государством. Грамота за грамотой из Москвы пошли на Дон, на Волгу от царя и духовенства, от бояр и всяких чинов с увещанием не соединяться с Заруцким, но стоять против него. Грамоты были адресованы и непосредственно самому Заруцкому, царь обещал помилование в случае сложения оружия, духовенство грозило проклятием в случае ослушания царской грамоте.

Между тем к Заруцкому пробирались шайки казаков из Белозерского, Пошехонского и других уездов. Ногайский князь Иштерек сначала был в ссоре с Заруцким, но потом помирился, дал сыновей в заложники и поклялся со всеми ногаями поддержать его. Заруцкий в Астрахани выдавал себя за Дмитрия. Известна, например, челобитная за 1614 год, обращенная к царю Дмитрию Ивановичу, царице Марии (Марине) и царевичу Ивану Дмитриевичу (сыну ее).

Ему удалось установить контакт и с Персией. Сам шах Аббас впоследствии извинялся перед государем через русских посланников – дворянина Тихонова и подьячего Бухарова в том, что по просьбе Марины и Заруцкого обещал помочь им ратными людьми, казною и хлебом и запасами; они его уверили, что при них находится царь московский Иван Дмитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать; как же скоро он, шах, узнал о воровстве Маринки и Заруцкого, то не дал им никакой помощи. Шах Аббас объявил, что хочет быть с царем в крепкой дружбе. В частности, смотря на небо, он произнес: «Бог меня убьет, если я брату моему Михаилу Федоровичу неправду сделаю». И когда царь отправил к нему дворянина Леонтьева просить денег в помощь против литовских людей, шах в конце 1617 года прислал 7000 рублей в слитках серебра.

Войсковой атаман Смага знал, что и среди раздорских односумов еще немало сочувствующих Заруцкому, но знал и то, что не удержать казаков от выступлений против центрального правительства, не удержать их от столкновений с азовцами хотя бы на время пребывания московских послов в Константинополе, значит не сохранить благоволение Москвы, а следовательно не получить жалования и много необходимого для своей жизни и предстоящей борьбы с подданными Султана. Бесспорно, что для достижения этих целей от казачьего предводителя требовались особые личные качества и не только бесстрашие и военное искусство, но и высокий авторитет у общества и житейская мудрость. Умело удерживая казаков от больших и дальних, в том числе и морских походов, Смага добивается своей цели.

Со времени своего возникновения Русское государство постоянно подвергалось нападениям со стороны народов мусульманского мира. Сначала были печенеги, торки, хазары, половцы, затем – длительная борьба с монголо-татарами, турками. Важную роль играли в ограничении деятельности врагов России казаки.

Пригнали турки в верховья Дона более двухсот рабов и свыше сотни кораблей, а на тех кораблях привезли пушки и ядра. Султан Селим Второй велел соединить каналом Дон и Волгу, чтобы корабли пустить в Хвалынское море, осадить Астрахань, с моря и суши, отнять ее у Ивана Грозного и властвовать над Каспием. Многотысячное скопище султана мотыгами копали землю, в корзинах и мешках носили ее, но канала не прорыли. «Поругали то дело турецкое, поморили людей султана голодом, побии великое множество его войска воевода Серебряный да донские казаки. Казаки подорвали много тысяч пудов пороху в Азове – Азов с землей сравняли... Убоялся Селим царя Ивана Васильевича, что ключи от моря заберет у него и приказал ставить Азов заново да укрепить его поболее...».

С приходом к власти Михаила Федоровича, наряду с продолжением польско-шведской интервенции, отнюдь, не были безопасны российские южные границы. Несмотря на старания молодого царя в установлении добрых отношений с Турцией и привлечении ее к борьбе с северо-западными соседями, султан Ахмат не раз предъявлял свои претензии на Казанское и Астраханское ханство, он не мог отказаться от мысли, выношенной его предшественниками, о водном пути в Казань и Астрахань через Азовское море и Дон, то есть о продолжении строительства канала от Дона до Волги. Не оставляло его и страстное желание свести казаков с Дона, как своих заклятых врагов. Не случайно ведь другой Султан Турции Амурат Второй, победитель в многочисленных сражениях, которому пришлось видеть собственными глазами, как казаки угрожали его сералию (султанскому дворцу) в Константинополе, сказал: «Гнев и ненависть всех христианских народов не мешают мне спать, но казаки... причиняют мне бессонные ночи». (Мейер. Большой энциклопедический словарь. 1851, т. XVIII).

Крымские татары и ногаи по приказанию султана продолжали набеги на окраины Руси и казачьи земли. Стоявший во главе Крымского ханства Джанибек-Гирей не мог быть настоящим союзником царя Михаила. В 1614 году в Ливнах, где по обычаю происходил обмен посланников, кымский посол Ахмет-паша Сулешов объявил: «Если не станет государь присылать ежегодно по 10000 рублей, кроме рухляди (шкурки соболей), то мне – доброго дела совершить нельзя: со мной два дела, доброе и лихое, выбирайте! Ногайские малые люди безвыходно вас воюют, а если мы своими силами на вас же придем, то что будет? Вы ставите шесть тысяч рублей в дорожку, говорите, что взять негде; а я на одних Ливнах вымещу, хотя возьму тысячу пленных и за каждого пленника возьму по 50 рублей, то у меня будет 50000 рублей» (Соловьев, кн. V, с. 64).

И на самом деле, многие тысячи русских людей уводились в полон и продавались на невольничьих рынках, принося огромные барыши работоторговцам. В освобождении своих единоверцев из «бусурманской» неволи, в охране российских границ казаки видели главную цель своей деятельности. Именно поэтому они, пренебрегая опасностью, отправлялись на своих легких суденышках в дальние походы по Азовскому и Черному морям к берегам Крыма и Малой Азии и в частности: Бахчисарай, Кафу, Синоп, Трапезунд и даже Царьград.

В XVI – XVII столетиях Дон являлся главной транспортной артерией в сношениях Московского государства, как с донскими казаками, так и с Турцией. Водный путь начинался от Воронежа, где задолго до сооружения Петром Первым знаменитой судовой верфи строили новые струги, чинили и смолили старые.

Раздорские казаки, как правило, на пути между Воронежем и Азовом встречали и сопровождали русских Послов, следовавших в Царьград, а турецких – в Москву. Как сообщает известный донской историк и краевед Б. В. Лунин, первый русский посол в Турции Василий Коробов проехал через Азов в 1515 году 15 марта, а последним послом, ездившим в Константинополь в 1699 году, был думный дьяк Емельян Украинцев. С 1515 по 1699 год все русские послы ездили в Турцию через Азов, а, следовательно, так же через Раздоры и Черкасск.

Учитывая все это и видев своими глазами донских атаманов со своим воинством в составе ополчения в деле против польской интервенции, бояре понимали, сколь могуча и взрывоопасна эта сила, если не привлечь ее на сторону нового царя. И поэтому уже весной 1614 года на Дон было направлено посольство во главе с дворянином Опухтиным с милостивою грамотою и царским жалованием «чего от прежних государей казакам не было».

Яркую картину нарисовал в своем исследовании «Встреча послов на Дону в XVII веке» член Областного Войска Донского Статистического комитета С.З. Щелкунов. Узнав о движении царского посла в Главное войско, на отлогом песчаном берегу близ многочисленных вытасенных на берег челнов и стоявших на якорях походных стругов, занимая все пространство от высокого земляного вала, утыканного сухим терновником и глубокого рва, окружавших городок Раздоры и составлявших его защитные укрепления, и до самой пристани собралась огромная толпа казаков, одевшихся в свое лучшее платье с оружием, с хоругвями и знаменами, захваченными в боях у врагов, окружая своего атамана Смагу Степановича Чертенского и дряхлого попа Симеона, стоявшего с зажженным кадилом тонкой византийской работы.

Для встречи посольства в Главное войско съехались многочисленные представители от городков Верхнего Дона, с Волги, Яика и других мест. Только что прибывший легкий, как чайка, передовой стругок оповестил собравшееся воинство, что московские послы уже недалеко, и в самом деле вдали на блестящей поверхности просторно развернувшегося Дона завиднелись силуэты разукрашенных будар, стругов.

Глухо шумела, напряженно всматриваясь вдаль, ожидая прибытия почетных гостей, разноликая, разноцветная толпа обветренных степными ветрами, опаленных южным солнцем, бородатых и бритых казаков

– односумов. Разодетые в комчатые, бархатные и заморского сукна синие, голубые, желтые с золочеными пуговицами, перетянутые разноцветными кушаками или наборными поясами, кафтаны; плисовые и шелковые красные и других цветов широкие шаровары, заправленные в расшитые золотом по голенищам сафьяновые сапоги; вооруженные кизилбашскими, турецкими, черкесскими с костяными ручками, в изукрашенных разноцветными камнями, серебром и медью ножнах, лишь слегка изогнутыми и довольно кривыми булатными саблями, кинжалами и самопалами; с подвешенными на поясах пороховницами из бычьих рогов и сыромятными сумками-дробницами; в бараньих лохматых, высоких шапках-трухменках с малиновым верхом.

Возле Смаги собрались наиболее удалые и опытные атаманы. Здесь идет говор тихий о гостях и о том, какие они вести везут с собой. Среди встречающих выделялся еще молодой, но уже известный из числа недавно возвратившейся части донцов из Москвы Алексей Федорович Старой.

В ополчении Минина и Пожарского под Москвой, в казачьем отряде Феофилакты Межакова он служил и ходил на приступ Китай-города еще рядовым казаком. Тогда будущий царь вместе со своей матерью, инокиней Марфой Ивановной, чуть было не померли голодной смертью в плену у ляхов. Только решительные действия казаков спасти их от неминуемой гибели.

После разгрома поляков и освобождения, Михаил Романов жил со своей матерью в родовой вотчине близ Костромы. Когда же, узнав от сына Сусанина о готовящемся на него покушении поляков, он перебрался под защиту Крепких стен и надежной охраны Ипатьевского монастыря, туда вместе с Шереметьевым, с архимандритом, ездил, находясь в казачьей охране, и Старой «бить челом нареченному царю Михаилу Федоровичу Романову, чтобы он не мешкая ехал со своей матушкой на Москву царствовать».

Царь потом сумеет отблагодарить своего верного слугу трехлетней ссылкой и заточением на Белоозере, когда тот, выполняя волю Донского Войска, приедет в Москву в качестве атамана казачьей станицы. Но это будет впереди, а сейчас, как и всех ожидающих необычных гостей, его жжет любопытство и нетерпение узнать причину приезда на Дон важных представителей государя и боярской думы. Не задумываясь, Старой отдавал всего себя заботам о Войске, как и многочисленные его товарищи, пришедшие встречать московских гостей.

И сегодня, как обычно, когда выдавалось время собраться боевым друзьям вместе, кто-нибудь из них заводил разговор о былых походах, о современных, волнующих их всех новостях.

Недоверчиво хмурится старый атаман Гаврила Стародуб, немало видевший на своем веку, косится своим единственным глазом и его друг Федор Татар, ждут нетерпеливо разрешения своим сомнениям известные бойцы атаманы – Дмитрий Кобан, Василько Волдырь, гроза азовцев Матвей Лисишников и Иван Нос с безобразным шрамом на все лицо, полученным им в схватке с татарами; тяжело вздыхает еще молодой атаман из монахов Василий Черный, которому еще предстоит совершить важные административные дела для Великого Войска Донского.

Наряду с добрыми делами немало грехов накопилось за казаками в смутную пору, что и теперь еще часть их не вернулась на Дон, а гуляет по Волге, близ Астрахани, с «охрияном» Ивашкой Заруцким, о котором и в Раздорах появляются как новые сведения, так и подробности о его прошлых связях с Сигизмундом и особенно о его отношениях с Мариной, которая была в руках его, «тщетно писав из Калуги жалобные грамоты Сапеге, чтобы он спас ее честь и жизнь от свирепых россиян, сия бес стыдная кинулась в объятия казака, с условием, чтобы Заруцкий возвел на престол Лжедмитриева сына – младенца и в качестве правителя властвовал с нею! Что нелепое и безумное могло казаться тогда несбыточным в России? Лицемерно пристав к Трубецкому и Ляпунову – взяв под надзор Марину, переведенную в Коломну, имея дружелюбные сношения с Гонсевским, обманывая россиян и ляхов, Заруцкий умножал свои шайки прелестью добычи, искал единомышленников в пользу лжецаревича Иоанна, между людьми чиновными и находил, но еще не довольно для успеха вероятного (Карамзин, IV, с. 448).

Зашел разговор и о Рязанском боярине Ляпунове, о том, что он был человеком «себе на уме» и не случайно для очищения государства, для установления наряда подал руку казакам, рассчитывая с их помощью самому прийти к власти. Что же касается Заруцкого, то Ляпунов приманил его обещанием, что по изгнании поляков будет стоять за провозглашение царем сына Марины, с которой уже тогда Заруцкий был в связи.

Сам же имел тайное желание завладеть властью лично. Будучи избранными в состав первого ополчения, Прокопий Ляпунов, Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий стремились выказать себя друг перед другом более знатными, более заслуженными и никто не хотел уступать первенства. Ту же оценку первого ополчения мы находим и у историка С. М. Соловьева: «В начальниках была великая ненависть и гордость. Друг перед другом

начальство и честь получить желали и ни один меньше другого быть не хотел, всякий хотел один владеть. Прокопий Ляпунов не по своей мере вознесся и от гордости его отецким детям много позору и бесчестия было не только детям боярским, но и самим боярам. Приходили к нему на поклон и стояли у его избы долгое время, никакого человека к себе прямо не пускал, а к казакам был очень жесток и за то была на него ненависть большая». (кн. IV , с. 627). И далее: – Ляпунов сам замышлял сделаться царем и говорил со своими советниками: «Ведь Борис Годунов, Василий Шуйский и Гришка Отрепьев не лучше меня были, а на государстве сидели» (кн. V , с. 44).

- В грамотах (московских) говорится, что еще в 1612 году Сигизмунд присылал к Заруцкому ротмистра Синявского, убеждая его мутить Московское государство до тех пор, пока он, король, заключит мир с турками и заплатит жалованье войску, а там он пойдет на Москву, взявши которую даст Заруцкому в вотчину Новгород Великий или Псков с пригородами, или Смоленск и сделает его великим у себя боярином и владельцем (Соловьев, кн. V , с. 22).

Спокойной кажется лишь группа, среди которой уважаемый всеми товарищами – казаками старый атаман Исая Мартемьянов, рассудительный, опытный начальник в сражениях; его воспитанник молодой, но уже успевший завоевать себе известность Епиха Радилов – твердый сторонник Москвы, правая рука атамана Чертенского, принявшего его сторону и проводившего эту линию среди донцов, да черноусый с лихо надвинутой набекрень лохматой бараньей шапкой Петр Вострая Игла, которому всегда море по колено и которому решительно все равно, с кем сражаться: с москвитями ли или с неверными бусурманами, ибо кровавый бой – его стихия. Уже слышны окрики рулевых, тихие всплески тяжелых бабаек и легкий трепет ветерка, шумящего в широких парусах будар: видны уже бороды почетных гостей, красные кафтаны Воронежских казаков и стрельцов, а также сверкающие на солнце отточенные бердыши.

И вот со скрипом уткнулись будары в берег, просвистели брошенные канаты и по спущенным сходням, врезавшимся в золотистый песок, между выстроившимися по обеим сторонам сходен стрельцами стал спускаться седобородый посол, московский дворянин Иван Лукьянович Опухтин, с тонкими чертами лица, на котором виделись и природный ум, и хитрость. Следом за Опухтиным сошли на берег сухощавый дьяк посольского приказа, ездивший в Москву атаман Игнатий Бедрищев и вся посольская свита.

Холодком повеяло на Опухтина от сумрачных взглядов, обступивших мостки казаков, не издавших ни одного возгласа приветия при его появлении, и чтобы придать себе смелости, он громким и ясным голосом, загнув широким смутный гул тысячной толпы, обращаясь к группе неподвижно стоявших атаманов, произнес:

- Государь и великий князь всея Руси, Михаил Федорович наказывал мне справиться у вас, атаманы-молодцы и Всевеликое Войско Донское, о здравии вашем и спознать, хорошо ли вы здесь, на вольном Дону о делах его Государевых помышляете? А еще приказал мне Государь свезти вам за вашу верную службу его царское ласковое слово и Государево жалование: деньги, сукна, зелье, свинец, серу и селитру и прочий запас, чтоб было вам чем се время, покаместо вы по Государеву слову с азовцы мирны, прокормиться и одеться!

- Здрав будь и счастен на Руси Государь-Царь и великий князь Михайло Федорович, а мы за него не токмо кровь проливати рады, но и до смерти битися, сколько Бог поможет! – дружно прокатилось в толпе, и сумрачные лица казаков мгновенно просветлели, чуя, что не с лихом и с недобрим словом, а с дорогою дружбою и знатными вестями приехали послы из далекой Москвы.

Повеселел и Опухтин. Расступились казаки перед послами и открыли им широкую дорогу, а Смага, окруженный прочими атаманами, подошел к Опухтину и обнявшись, они троекратно облобызались.

- Теперь братие, помолимся о здравии милостивца нашего, Государя, – вмешался поп Симеон. Он показал руками в направлении уже значительно тронутой временем деревянной часовни. Известно, что в Раздорском городке безалтарная часовня была построена вместе с первыми его куренями и что прошло с тех пор много зим и лет, так много, что первые поселенцы городка успели здесь и состариться, Симеон было сделал шаг в указанном им направлении, но тут из толпы требовательно прозвучало:

- Наперед грамоты вычесть надо, а потом и богу молиться. И тут вслед за московскими послами и атаманами дружной волной всколыхнулись все казаки и, поднявшись на майдан, разлились по его огромной плотно убитой площади. Атаман Игнатий Бедрищев стал посреди круга, держа в левой руке привезенное только жалованное царем знамя – явное доказательство Государевой милости и покровительства. Вокруг него сгруппировались послы, их свита, атаманы, поп Симеон, стрельцы, воронежские казаки. Никогда еще не было в Раздорах за все время, сколько здесь существует Главное войско, столь представительных и авторитетных

посланников российского Государства. Вернувшись в Москву с Дона, Иван Опухтин скажет в Посольском приказе, что при его встрече на Дону в Раздорском городке «казаки вынесли в круг Государево знамя, которое к ним прислано с атаманом Бедрищевым, о чем будет упомянуто в одном из документов Посольского приказа под 1614 годом (Б.В. Лунин. Очерки истории Подонья Приазовья. И. 1951, с. 27).

Гриша Долгов, взяв почтительно поданные младшим дьяком Посольского приказа грамоты, писанные к казакам от митрополита и от архиепископов, от епископов и всего Собора, от бояр и всяких чинов людей, внятным голосом стал читать их, по временам посматривая на толпу, желая узнать, какое впечатление производят на круг эти грамоты. Казаки внимательно слушали, стараясь не пропустить ничего из читавшегося дьякам, особенно при чтении царской грамоты, в которой в частности речь шла и об услугах, выполняемых донскими казаками:

- Вы нам, великому государю, служите, по шляхам разъезжаете и по перевозам лежите, и ясырей огромливаете, и в наши украинные города приводите душ по сту и по двести, и струги и гребцов наймете, и корм про них покупаете, а наших послов и посланников встречаете и провожаете в Царь-город и в Ногаи большие и малые (там же, с. 28).

Послав на Дон знамя, царь в своей грамоте казаков наставлял:

- И вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и «прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердный бог подает помощи; к нам, великому государю, по началу и по своему обещанью службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет. (С.М. Соловьев, кн. V, с. 20-21).

Давно уже так не ласкала, не миловала их Москва, родина многих из них. А ведь было совсем иначе при царе Борисе. Им даже заказан был вход в пределы земли русской, ибо в то время смотрел он на них, как на воров и изменников, заслуживающих только наказания.

Стоявшая во время чтения грамот тишина была нарушена радостными возгласами и шумом одобрения только с окончанием чтения. В поднявшемся внезапно гомоне воздавалась хвала новому царю и Господу, а воздух наполнился оглушительным треском выстрелов из казачьих самопалов, вытщенных привычным движением из-за цветных поясов. Клубы порохового дыма на время затмили яркое весеннее солнце, освещавшее (несколько минут назад многолюдный разноцветный, наполненный торжественной тишиной майдан. Только теперь попу Симеону было разрешено совершить молебен, и толпа не спеша направилась к часовне.

После молебна Игнатий Бедрищев вновь вынес жалованное царем знамя на середину площади и «как пчелы к матке», в круг стали стекаться было разошедшиеся казаки. Атаман Епиха, посоветовавшись со Смагою и Исаем, решил провести суд над провинившимся казаком. Вернувшись из похода, загулял он со своими друзьями и под хмельком стал высказывать недовольство Москвою, которая зарится на донские степи и давит вольное казачество, как Польша придавила Запорожье. С.З. Щелкунов в своем исследовании упоминает только имя этого казака – Семейка. С малолетства Семейка жил среди казаков, отбили его вместе с другими пленниками у возвратившихся из набега на русские города татар.

Оставили его у себя как сироту, так и вырос он в суровых условиях казачьей общины, каких не было ни в одном из рыцарских орденов. Стал настоящим казаком. Вот как описывает этот суд историк Соловьев:

- Донцы, получив государево жалованье, вынесли царское знамя, собрали возле него круг, а под знаменем лежал человек, осужденный на смерть; когда царский посланник Опухтин спросил, что это за человек, то ему сказали: «Двое пьяных казаков проговорились, что атаманы и казаки за посмех вертятся, а Ивашки Заруцкого не избыть, быть под его рукою». Одного из этих казаков прежде повесили, а другой приговорен к смерти и лежит теперь под знаменем. При этом многие казаки били челом посланнику, чтоб он для имени царского величества отпросил у них этого молодца от казни, потому, что он виноват без хитрости, неумышленно, сопьяна. Посланник, зная, что так бывало и прежде, и видя, что тут было много казаков с Волги и Яика, чтобы их государскою милостию обнадежить, начал говорить: «Вы этому казаку ничего не сделали до меня, я теперь приехал с царским жалованьем, у вас у всех теперь радость, а государь милосерд и праведен, всех нас, виноватых, пожаловал, ничьих вин не упомянул: так и вы бы теперь этого виноватого для имени царского величества пощадили, а царское величество бог в сохраненье держит, и враги ему никакого зла сделать не могут».

Только что посланник выговорил эти слова, казаки завопили: «Дай, господи, государю царю здоровья на многие лета! Сами мы знаем, что государь милосерд и праведен, божий избранник, никто ему зла сделать не может», (кн. V, с. 21).

Освобожденному от казни, поднимавшемуся Семейке, Епиха Радилов со злостью крикнул:

- Благодарю Бога, смутьян, что тебе для царского имени казнь отдана. Семейка исподлобья бросал на него полные ненависти взгляды, в которых читалось страстное желание отомстить за надругательство. Епиха не оставил бы казака и еще долго терзал его своими упреками, если бы мудрый Исая Мартемьянов не остановил Епиху, увидев, что еще мгновение и озлобленный Семейка бросится на него.

- Иди до куреня! – сурово крикнул Семейке Исая, а войсковой атаман Чертенский, не принимавший участия в судилище, произнес, обращаясь к послам: «Просим, дорогие гости, хлеба-соли нашей откушать».

Трудно описать то застолье, которое происходило на острове в сердце донском – городке Раздорах под сенью дерев-великанов за самодельными столами, уставленными разнообразной снедью: грудками вареной и жареной говядины, бараньим пловом, дымящимися мисками со стерляжьей ухой, сажеными осетрами и мелкой и крупной дичью: жареными гусями, сайгаками и дикими кабанями, яростно скалившими белые клыки. Между яств стояли сулеи с заморскими винами, добытыми в Азове, кувшины меда – сарибала, а прямо на земле – многоведерные куфы и буты с горячим вином и просяной водкой.

За столом, покрытым дорогим царьградским сукном, на скамьях, застланных византийской парчой, расселись старшие атаманы и почетные гости; за ближними разместились посольская свита и конвой, а прочие места заняли казаки, среди которых было много приехавших для встречи послов из разных мест.

Далеко за полночь затянулась веселая гульба, прерываемая ружейными залпами и нестройными песнями охмелевших стрельцов и казаков. В общем веселье не принимали участия лишь Семейка, старавшийся заглушить свою обиду вином да сторожевые казаки, зорко следившие за окружающей местностью.

Отшумели праздничные дни, отбыли из Раздор царские послы, наступили казачьи будни, в которых каждый день отмечался значительными событиями как для

Войска Донского, так и для государства российского. В 1615 году донскую столицу посетила делегация запорожских казаков. Запорожцы в то время собирались писать литовскому королю, чтобы он заключил мир с Москвою и возвратил ей Смоленск, угрожая в противном случае перейти на сторону Москвы и служить ей на тех же основаниях, на каких служат донские казаки. А вскоре атаманы Григорий Долгошея и Артемий Плохой, будучи в Воронеже, сообщили воеводе Никите Борятинскому, что запорожцы просили донских казаков прислать к ним в Сечь «атамана или казака доброго и говорить бы им о добром деле».

В этом же году войсковой атаман Смага Чертенский отправляет в Москву вместе с возвращавшимся из Царьграда и зимовавшим в Раздорах царским послом Соловым-Протасьевым атаманов Исаю Мартемьянова, Семена Смурьгина и Василия Черного с войсковой челобитной о предоставлении казакам права беспошлинной торговли в «польских» (расположенных в поле – Л.А.) городах Московской Руси, и видеться с ними повольно». По весне 1616 года вместе с посланниками Смаги, получившими на свою челобитную специальную царскую грамоту, в сопровождении донских атаманов Семена Уколова, Андрея Репчукова и Назара Иванова (Могилева) в Раздоры прибыл новый государев посол Петр Мансуров и дьяк Самсонов, привезшие казакам царское жалованье и направлявшиеся через Азов в Царьград к Султану. Так как в то время у казаков с азовцами было «размирье», то они для заключения мира «царского величества по повелению» избрали из своей среды трех наиболее уважаемых атаманов Василия Черного, Гаврилу Стародуба и Василия Волдыря, которых азовцы и привели к крестному целованью. Но узнав, что в это время азовцы захватили в гирлах Дона и казнили атамана Матвея Лисишникову и вскоре разорили передовой казачий острожек, чем развязали руки казакам, почти три года не предпринимавших далеких морских набегов, Чертенский не стал на этот раз сдерживать законного со стороны казаков желания возмездия и, став во главе Войска, повел его к цветущим берегам Малой Азии, где казаки, сжегши Синоп и взяв приступом один из посадов Трапезунда, с богатой добычей благополучно вернулись в Раздоры. А Мансуров и Самсонов в Царьграде были задержаны на тринадцать месяцев, несмотря на дорогие подарки в виде большого количества соболей и приятные вести для султана. «Казаки пересиливали соболей». (Соловьев, кн. V, с. 59 – 60). С этих пор имя Чертенского ни в каких исторических документах не встречается, что дает основание думать о его кончине в этом году.

Войсковым атаманом после Смаги Чертенского становится его ближайший помощник Епиха (Епифан) Иванович Радиллов, еще при жизни первого упоминавшийся во многих царских грамотах и войсковых отписках. Весною 1617 года около 700 казаков под руководством Епифана Радилова вышли в море, где соединились с тремя тысячами запорожцев, но султан, услышав об их движении, выслал против них две сильные флотилии, и они, разделившись, поспешили назад: первые на Дон, а вторые – в устье Днепра. Семь больших турецких каторг нагнали донских казаков, но были ими разбиты, и паша, начальствовавший всеми каторгами, был взят в плен и привезен казаками в Раздоры с целью получения за него крупного выкупа.

Своими вновь начавшимися набегами на владения турецкого султана казаки сильно тормозили переговоры о союзе Москвы с Турцией, почему отправленному в конце 1617 года к казакам дворянину Несмеяну Чаплину велено было испросить у них разрешения видеться наедине с пленным пашой и тайно от казаков убедить его, что казаки производят набеги по наущению Польши и что Московский Государь в скором времени сгонит их с Дона. Успешно выполнив возложенные на него поручения, Чаплин вместе с тем сумел не возбудить подозрения в казаках.

В 1618 году турки, доставив из Стамбула в Азов государева посла Петра Мансурова, не отпускали его к казакам на Дон, пока не исполнили своего замысла – запереть казакам выход в море. Для этой цели они засыпали вход в Мертвый Донец, а на гирле Каланче поставили сторожевую башню, снабдив ее пушками и гарнизоном. Казаки не вмешивались, видимо, по совету Радилова, из опасения за жизнь Мансурова. Однако, это сооружение долго не просуществовало. В 1625 году, когда казаки ушли в очередной морской поход, азовцы совершили внезапное нападение на казачьи поселения и сожгли пять городков, в том числе и Раздоры. Возвратившись из похода и узнав о турецком поиске в своих городках, казаки совершают нападение на азовскую крепость и едва не решают ее судьбу, при этом разоряют сооруженную турками башню на каланче, таким образом, опростав выход в море.

Над Раздорами всходило солнце, быстро набравшее высоту над рекой и лесом. Его ласковые косые лучи еще не успели накалить песок на обширных плоских косах острова, остывший за ночь и поэтому резко отличавшийся от парившей воды. Река жила бурной жизнью, наполняя окрестности звуками различной тональности: от drobных резких ударов по воде до глухих мощных водоворотов. Поверхность реки причудливо расписывалась неповторимыми узорами ее обитателей. Над водой плавно парил коршун, с высоты высматривая добычу. Выстроившись в шеренгу на отмели, принимали свой утренний туалет чайки. В Главном Казачьем Войске начался новый день, несущий с собой и новые нелегкие заботы, и новые испытания.

Агарков Л.Т.

Газета «Звезда Придонья»,

август 1990 – сентябрь 1991 г.